

То ли Шэнь Син наконец преодолел некий порог, то ли тот случай с СЛР, когда он едва не упал в обморок, стал переломным, но на следующий день горная болезнь отступила. Даже когда он перестал пить ибупрофен, голова больше не болела. Ощущение легкости было невероятно приятным. Незаметно пролетела неделя, Шэнь Син обошел почти все дворы в этой деревне, и завтра пришло время уезжать. Почувствовав себя лучше, он даже нашел время для праздного отдыха: укутавшись в толстый пуховик, он присел на ступеньки у входа в сельсовет.

Деревня была глухой и высокогорной, но виды здесь открывались неописуемые. Правда, солнце палило нещадно, а из-за того, что выпавший пару дней назад снег еще не стаял, в час дня слепило так, что даже не поднимая головы, Шэнь Син с трудом размыкал веки. Он долго привыкал, открывая и закрывая глаза, пока наконец не смог смотреть на мир сквозь узкие щелочки.

Напротив сельсовета был небольшой холм, на котором развевались огромные молитвенные флаги. Стоило подуть ветру, как полотна колыхались на солнце, рассыпая пятицветные блики. За холмом вдаль виднелись заснеженные пики гор. Пестрые флаги на фоне снежных вершин создавали ощущение тишины и святости, что напомнило Шэнь Сину о «кофе со снежной шапкой». Он не удержался, достал телефон, сфотографировал пейзаж и отправил Цзянь Линю:

— Похоже на «кофе со снежной шапкой» от Снежка? Как вернусь, первым же делом устрою себе такой десерт.

Поскольку были выходные, Цзянь Линь ответил быстро:

— А кто такой Снежок?

Шэнь Син, увидев ответ, так и прыснул. Ему казалось, что Цзянь Линь старше его не на три года, а на все тридцать. Да что там тридцать — даже его мама и тетя знают, кто такой Снежок. Он начал быстро набирать текст:

— Ну, это такая знаменитость, довольно известная. Неужели не слышал?

Цзянь Линь только вышел из дома, собираясь на рынок за продуктами к Новому году, когда пришло сообщение. Знаменитость? Какой-то актер рекламирует мороженое?

Он открыл поиск и вбил: «Кто такой Снежок». Спустя секунду он увидел до боли знакомый логотип: белый снеговик на красном фоне. Цзянь Линь и смеялся, и плакал — оказывается, это «Мисюэ Бинчэн»...

Он забил адрес ближайшей точки в навигатор. У кафе было столпотворение, а из колонок гремело на повторе: «Ты любишь меня, я люблю тебя, Мисюэ Бинчэн — это сладость». Он отстоял в очереди минут пять-шесть, купил тот самый кофе с мороженым, сфотографировал его крупным планом на фоне солнца и отправил директору Шэню:

— Как вернешься — свожу тебя.

Солнце приятно припекало черный пуховик. Шэнь Син, который уже начал засыпать на ступеньках, дождался ответа. Увидев пухлого белого снеговика, он улыбнулся:

— Ого, сделал домашку?

Цзянь Линь зачерпнул ложкой мороженое и напечатал:

— Я знаю про «Мисюэ Бинчэн».

Шэнь Син расхохотался еще сильнее. Он буквально видел перед собой лицо капитана — серьезное и невозмутимое, с которым тот заявляет: «Я знаю про Мисюэ Бинчэн».

— Ну конечно, наш капитан Цзян такой крутой, он всё на свете знает.

Уши Цзянь Линя слегка порозовели, и он снова уткнулся в свое мороженое.

— Директор Шэнь!

Кто-то окликнул его со двора. Шэнь Син сощурился и увидел местного врача Гэли. За ним шло несколько тибетцев в нарядных одеждах. Шэнь Син поднялся со ступенек.

Гэли подошел с улыбкой:

— Доктор Шэнь, это жена и дети Сангэ. То, что Сангэ выжил — это полностью ваша заслуга. Они пришли поблагодарить вас.

Шэнь Син не сразу сообразил, о ком речь, а потом вспомнил пастуха с инфарктом. Жена Сангэ не говорила на путунхуа. Она с глубокой благодарностью подошла к нему, держа в руках белоснежный хадак*. Женщина долго что-то говорила, и хотя Шэнь Син не понимал слов, он догадывался, что это слова признательности. Он уже хотел попросить Гэли перевести, как вдруг жена Сангэ сделала несколько жестов, значения которых он не знал, и торжественно подняла хадак. Шэнь Син от такой официальности даже немного растерялся.

(*Хадак (также ката, хатак, хада) — это традиционный церемониальный шарф, используемый тибетцами и монголами в качестве ритуального подарка).

Гэли улыбнулся:

— Скоро Лосар, тибетский Новый год. Она заранее желает тебе удачи и благополучия во всём. Прими это, доктор Шэнь.

Шэнь Син поспешно протянул руки и поклонился, без конца повторяя слова благодарности. Хадак надели ему на шею, и на солнце он казался ослепительно белым. Затем дети Сангэ протянули свои дары: один держал изящную деревянную шкатулку, другой — искусно сделанную голову барана, похожую на керамическую. Шэнь Син замахал руками:

— Не стоит, правда! Спасать людей — моя работа. Совсем не обязательно быть такими вежливыми.

Дочь Сангэ немного говорила на путунхуа:

— В шкатулке касэ, которые мы сделали с мамой, а еще наша вяленая ячъя говядина и сушеные фрукты. Это всё домашнее, недорогое, возьмите перекусить.

Когда она договорила, ее младший брат снова приподнял баранью голову. Гэли пояснил:

— Голова барана по-тибетски называется «лунго». Это созвучно с фразой «начало года». Это пожелание благополучия и добрых надежд на новый год. Поэтому на праздник принято дарить лунго. Они знают, что ты уезжаешь завтра, поэтому принесли подарки заранее.

Через десять минут Шэнь Син, увешанный белым хадаком, со шкатулкой и бараньей головой в охапку, зашел в комнату. Там он открыл коробку. Внутри было изобилие: касэ, вяленое мясо, фрукты. Касэ — это тибетское мучное изделие, обжаренное в масле, но сделано оно было очень искусно, разных форм и цветов. Шэнь Син что-то вспомнил, выскочил за дверь и нашел Гэли:

— Гэли, а эти касэ пролежат неделю?

Гэли удивился:

— Если в холоде, то пролежат. Но сейчас они самые свежие и вкусные.

Шэнь Син показал жест «окей» и вернулся в комнату. Он открыл коробку и наделал кучу фотографий со всех ракурсов, которые тут же отправил Цзянь Линю.

— Привезу тебе вкусняшек. Это я своим мастерством заработал. [Стикер: гордый мишка выпятил грудь]

Цзянь Линь получил это сообщение, когда стоял перед витриной сетевого магазина товаров для активного отдыха. Стоял он там уже довольно долго. Его внимание привлекла мужская штормовка кирпичного цвета средней длины на манекене. Стоило ему ее увидеть, как он сразу вспомнил тот ярко-желтый пуховик Шэнь Сина, в котором тот был похож на молочную булочку. Доктору очень шли яркие цвета, и эта куртка наверняка смотрелась бы на нем великолепно.

Ему хотелось ее купить, он даже был готов зайти внутрь, но у самого входа замялся. Они сейчас, скорее всего, просто друзья, а дарить одежду — это слишком личный жест. Но купить хотелось. В итоге он три минуты мерил шагами тротуар перед входом, напоминая преступника, который высматривает объект для кражи. Телефон в кармане завибрировал. Он увидел серию фотографий от Шэнь Сина и в конце — того самого гордого мишку.

Шэнь Син не забыл привезти ему подарок, так что, если он подарит куртку, в этом ведь не будет ничего такого? Убедив себя этим аргументом, капитан наконец зашел в магазин.

Широкоплечий и подтянутый красавец ростом 185 сантиметров моментально привлек внимание. Продавщица заметила его еще на улице. Она не ошиблась: мужчина явно колебался. Сначала она подумала, что он присматривается к цене, но, взглянув на бренд его собственной куртки, поняла, что ошиблась — его одежда стоила в разы дороже.

— Здравствуйте, у нас много новинок. Вы выбираете для себя или в подарок?

— В подарок. Вон ту куртку.

— Вы знаете размер?

При слове «размер» Цзянь Линь внезапно вспомнил те тесноватые трусы. Его лицо на миг стало неестественным. Шэнь Син был ниже него на пару-тройку сантиметров и поизящнее в кости.

— На 180. Давайте посмотрю.

Он взял вещь, прикинул на глаз.

— Берем.

Продавщица, видя такого решительного покупателя, не упустила шанс и тут же подобрала к

фирменной штормовке брюки, шапку и рюкзак.

Через пятнадцать минут под улыбчивым взглядом консультанта Цзянь Линь вышел из магазина, нагруженный пакетами!

Улица Фусин была самой оживленной в уездном городе. По обеим сторонам теснились лавки, а посередине шла та самая мощеная улочка, по которой Шэнь Син так любил гулять среди сувенирных магазинчиков. Цзянь Линь инстинктивно свернул туда. В этом году тибетский Новый год совпадал с китайским, разница была всего в один день. До праздника оставалось восемь дней, и на улице было гораздо многолюднее, чем когда Шэнь Син уезжал.

Все лавки выставили лотки наружу. Продавались новые ткани для украшения домов, пятицветные молитвенные флаги для алтарей, коробки «чема» и павлиньи перья — символ удачи. Цзянь Линь сфотографировал улицу и отправил доктору.

Шэнь Син ответил мгновенно:

— Пошел гулять?

— Ага, вышел за продуктами к празднику, забрел сюда. Тут гораздо шумнее, чем обычно.

Шэнь Син не стал писать ответ, а сразу набрал видеовызов. На экране он лежал в постели в бежевом свитшоте с круглым вырезом, сосредоточенно жуя вяленую говядину. В другой руке у него была банка колы. Глаза светились любопытством:

— У меня тут только снежные горы и флаги. Давай, Герой, води меня на «облачную» прогулку.

Следующие полчаса Цзянь Линь работал прилежной «передвижной камерой». Куда Шэнь Син тыкал пальцем, то он и снимал. Оказалось, что доктор Шэнь не только талантливый врач, но и профессиональный шоппоголик — он не просто смотрел, он реально закупался.

А «камера» в лице капитана Цзяна проявила себя не только как отличный полицейский, но и как мастер торгов. Через полчаса в руках Цзянь Линя оказался набор тибетской посуды, две ручки с перьями и два тибетских шарфа. Когда улица подошла к концу, «заказчик» на том конце экрана скомандовал:

— Ладно, на сегодня хватит.

После звонка Шэнь Син перевел деньги Цзянь Линю, но тот, казалось, куда-то пропал.

Новый год приближался, в отделе начали составлять график дежурств. Цзянь Линь, как начальник и к тому же человек одинокий, естественно, взял на себя ночную смену в канун праздника. Раньше, в Тяньцзине, он всегда дежурил по праздникам и не видел в этом ничего особенного. Но в этот раз он впервые подумал: а если бы он не дежурил в новогоднюю ночь, смог бы он поужинать вместе с Шэнь Сином?

Впрочем, мысль эта быстро улетучилась — он вспомнил первый день года. Даже если бы он был свободен, доктор Шэнь наверняка сам бы сражался на передовой в приемном покое.

Вечером Цзянь Линь открыл баночку диетического корма, которую купил днем. Посмотрев на Цяньцзинь, виляющего хвостом-пушком, он вдруг замер. Что-то вспомнив, он принес весы и пошел ловить меховое облако. Е-Е теперь был с ним очень ласков: стоило ему протянуть руки, как это упитанное тельце само прижалось к нему. Он поднял его на руки, встал на весы, потом

взвесился без нее. 67 цзиней (33,5 кг).

Он легонько щелкнул собаку по носу:

— Ты поправился на два цзиня. Твой папа скоро вернется. Придется нам эти пару дней по утрам бегать побольше.

Вообще-то он честно старался следить за его диетой: давал специальные консервы для похудения и специально выгуливал подольше. Иногда собака упиралась и не хотела идти, тогда он ее уговаривал и подбадривал. Обычно она проходила весь маршрут. И всё равно плюс два цзиня!

Цзян Линь лишил его сегодня порции консервов. И, опасаясь, что Хэйбао поделится своим кормом, запер овчарку на балконе на время еды. Маленькое облако в комнате залилось жалобным «ав-ав», да так громко, что даже Хэйбао на балконе перестал есть. Когда Цзян Линь выпустил его, овчарка так и не доела свой корм.

Капитан с улыбкой потрепал пса по голове:

— Когда мы тренировались, ты что-то не горел желанием делиться едой с другими собаками.

В учебке Хэйбао был королем и не знал равных; попытаться отобрать у него еду было всё равно что лезть в пасть тигру. Хэйбао проигнорировал хозяина и просто улегся на пол. Меховое чудище в комнате тут же на скорости сто метров в секунду пронеслось мимо — Цзян Линь даже не успел среагировать, как морда Е-Е уже была в миске с кормом. Он только хотел его вытащить, как зазвонил видеофон. Директор Шэнь.

Шэнь Син сразу увидел Цяньцзинь, уплетающую корм на полу:

— Герой, ты опять ее кормишь!

Цзян Линь потер нос:

— Честное слово, случайно. Я даже Хэйбао на балконе запер, чтобы он один ел. Кто же знал, что он не доест, а когда я открою дверь, позовет Цяньцзинь... Ну, вот так вышло.

Шэнь Син посмотрел на «самоедскую свинку», которая довольно виляла хвостом, и на Хэйбао, который с невозмутимым видом лежал рядом. В десятитысячный раз он задался вопросом: обе собаки, но почему такая разница?

Последние два дня Цзян Линь выгуливал Е-Е на два километра больше. Наконец, за два дня до приезда Шэнь Сина, вес Цяньцзинь вернулся к законным 65 цзиням. Можно сказать, вернул имущество в целости и сохранности. В тот день он взял ключи от квартиры Шэнь Сина и зашел к нему. До Нового года оставалось три дня. Он открыл окна, чтобы проветрить, сменил постельное белье на чистое (прежнее постирал), вытер пыль и вымыл полы. Напоследок он повесил сушиться простыни и только тогда ушел.

Шэнь Син добрался до дома только вечером за день до праздника. Войдя в квартиру, он опешил от чистоты. В комнатах не было того застоявшегося запаха, который бывает после долгого отсутствия хозяев, на столе — ни пылинки. Кто тут навел порядок, было ясно без слов. Прихватив коробку с угощениями, он пошел к соседу. Цзянь Линь открыл дверь и увидел знакомого доктора в «молочной» куртке. Шэнь Син склонил голову набок и с улыбкой спросил:

— Герой, ты что, подрабатывал у меня дома Мальчиком-улиткой?

<http://bllate.org/book/15778/1611177>